

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 5**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 5 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 312 с.

ISBN 978-5-458-04655-8

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04655-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“.

Настоящее сочиненіе возникло изъ переписки, которую я имѣлъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году съ однимъ изъ моихъ старыхъ пріятелей, который и обозначенъ здѣсь подъ буквами N. N. Мы уже давно вступили съ нимъ въ пріятельское пререканіе по поводу нравственной и общественной проповѣди гр. Толстого. Считаю каждое слово его за непогрѣшимую истину, г. N. N. не допускалъ ни малѣйшаго отрицательнаго отношенія къ этой проповѣди и думалъ посредствомъ сочиненія „О жизни“ обратить и меня, такъ сказать, въ *толстовское согласіе*. Возникшій по этому поводу нашъ споръ въ настоящихъ письмахъ мнѣ казался не бесполезнымъ напечатать и тѣмъ какъ-бы привлечь къ его рѣшенію и читающую публику. Мой уважаемый корреспондентъ согласился на то, чтобы я напечаталъ все, что въ его письмахъ ко мнѣ касалось книги гр. Толстого „О жизни“; и я печатаю отрывки изъ нашихъ писемъ почти безъ всякихъ перемѣнъ. Но такъ какъ основаніе для нашего спора составлялъ французскій переводъ сочиненія гр. Толстого „О жизни“, для многихъ изъ русскихъ читателей неизвѣстнаго, то я счелъ необходимымъ *предпослать* нашимъ письмамъ обстоятельное изложеніе этого сочиненія по фран-

цузскому тексту, сдѣланное, на сколько это было возможно, собственными словами его автора.

А. К.

I.

Изложеніе содержанія книги „О жизни“.

Исходный пунктъ всего сочиненія гр. Толстого „О жизни“ составляетъ мысль о существованіи у людей двухъ понятій о жизни. Одно изъ нихъ есть „центральное, основное и безспорное“ для всѣхъ людей: всѣ и каждый знаютъ, въ чемъ состоитъ жизнь и что должно быть названо жизнью. Это „безспорное, всѣми признаваемое понятіе“ и есть истинное. Но кромѣ него есть у людей и другое—ложное, по мнѣнію гр. Толстого, понятіе, отличающееся отъ перваго прежде всего тѣмъ, что оно не общее всѣмъ людямъ: у всякаго это другое понятіе свое, а потому въ немъ люди не сходятся и противорѣчатъ другъ другу.

Въ чемъ-же состоятъ оба понятія? Безспорное и истинное состоитъ въ томъ, что „жизнь есть стремленіе къ благу“, къ счастью, или стремленіе „избѣгать страданій и достигать радости и наслажденій, которыхъ желаетъ каждый“. Что касается до ложнаго понятія, то содержаніе и опредѣленія его чрезвычайно разнообразны. Гр. Толстой приводит многія изъ этихъ опредѣленій, данныхъ преимущественно людьми учеными, какъ наприм.: „жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ; жизнь есть соединеніе функцій, которыя сопротивляются смерти; жизнь есть организмъ въ дѣйствіи“, и т. п. и т. п. Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ жизни разумѣется, по его мнѣнію, не цѣль жизни, состоящая въ счастья, а „то, отъ чего она происходитъ“ или „то, что ей сопутствуетъ“. Безспорное и истинное понятіе о жизни всякій получаетъ изъ внутренняго опыта, изъ своего непосредственнаго самосознанія; спорное-же и ложное понятіе, основанное на внѣшнемъ наблюденіи своего тѣла и другихъ живущихъ тѣлъ, не имѣетъ никакого отношенія къ самосознанію, этому, такъ сказать, центру жизни, а потому и упускаетъ изъ виду са-

мое главное, т.-е. непосредственно сознаваемая каждымъ „радости и страданія и стремленія къ первымъ“. Въ результатѣ такого ошибочнаго отношенія къ предмету неизбѣжно являются разладица и несогласія, ибо точекъ зрѣнія на внѣшній міръ можетъ быть многое множество, и каждый можетъ выбрать свою точку зрѣнія (см. Introduction).

Теперь можно спросить, отчего-же при непосредственномъ знаніи истиннаго понятія о жизни слагается еще ложное? На это гр. Толстой отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: съ древнѣйшихъ временъ люди стали замѣчать, что хотя жизнь каждаго человѣка никакой другой цѣли, кромѣ его блага и счастья, имѣть не можетъ, но что, однако, цѣль эта оказывается неосуществимой. Мало-помалу человѣкъ все болѣе и болѣе убѣждается, что жизнь его вмѣсто блага и счастья наполняется страданіями, которыя оканчиваются смертію, т.-е. уничтоженіемъ этой самой жизни, и что причина „этого основного противорѣчія человѣческой жизни“ въ стремленіи каждаго человѣка и каждаго существа только къ своему личному благу или для себя. Каждый, преслѣдуя свое благо, не только не думаетъ о благѣ другихъ, но даже готовъ для своего блага, какъ-бы оно ничтожно ни было, принести въ жертву и счастье, и самую жизнь всѣхъ другихъ существъ и людей. Отсюда необходимо возникаютъ между людьми столкновения и борьба, которыя порождаютъ безчисленныя страданія. Кромѣ того было замѣчено людьми, что и тѣ немногія блага, которыя выпадаютъ на долю каждой личности, соединены съ страданіями, тѣмъ болѣе увеличивающимися, чѣмъ долѣе живетъ человѣкъ, и наконецъ заканчивающимися смертію, т.-е. полнымъ разрушеніемъ личности съ ея надеждами на счастье. Значить, стремленіе каждаго къ его личному благу, необходимо влекущее за собой зло и борьбу и оканчивающееся уничтоженіемъ личности, есть нѣчто неразумное и бессмысленное, что и понято было, съ древнѣйшихъ временъ, различными мудрецами, наприм. основателями религій (Конфуцій, Будда, Брамины, Зороастръ и т. п.), которые учили людей,

что преходящее личное благо вовсе *не есть истинное благо*, и что надобно искать вѣчныхъ благъ, которыя не возбуждаютъ борьбы и „не нарушаются страданіями и смертью“. Но это ученіе мудрецовъ не дѣйствовало на людей, потому что его отрицали, искажали и скрывали отъ нихъ фарисеи и книжники, стараясь замѣнить это ученіе своими лжетолкованіями. Подъ фарисеями авторъ разумѣетъ людей, считающихъ себя ближайшими послѣдователями и учениками мудрецовъ, а подъ книжниками — людей, которые не признаютъ себя учениками мудрецовъ и отрицаютъ ихъ ученіе, считая его грубымъ суевѣріемъ. Фарисеи, скрывая истинное ученіе мудрецовъ, подмѣняютъ его своимъ, а книжники безъ всякой подмѣны прямо выдаютъ за истину, „за настоящую науку“ понятіе о жизни, въ которомъ совершенно устраненъ „вопросъ объ истинномъ благѣ и истинной жизни“. Понятіе жизни книжниковъ выводится ими изъ внѣшней жизни человѣка, которую „грубое большинство отождествляетъ съ животною жизнью“, но книжники идутъ, такъ сказать, даже дальше грубой толпы и въ своей „мнимой наукѣ“ утверждаютъ, что жизнь только и состоитъ „въ борьбѣ за существованіе личности, рода и вида“ (гл. I—IV). Когда фарисеи объясняютъ существующее въ мірѣ зло изъ самой природы міра и условій его происхожденія и указываютъ на исполненіе предписываемыхъ ими обрядовъ, какъ на единственное средство, по ихъ ученію, пріобрѣтенія благъ будущей загробной жизни, то люди, видя, что сами фарисеи ищутъ благъ только во временной „животной личной жизни“, перестаютъ вѣрить ихъ ученію объ иной загробной жизни и обращаются за разрѣшеніемъ вопроса объ истинной жизни къ книжникамъ. Книжники-же со своей стороны говорятъ людямъ о происхожденіи небесныхъ тѣлъ, солнца, земли, растеній, животныхъ, человѣка, объ ихъ будущей судьбѣ на землѣ и т. под., т.-е. говорятъ обо всемъ, что угодно, но только не о томъ „благѣ, къ которому человѣкъ стремится“: въ сущности книжники совѣтуютъ людямъ жить „какъ живется“, стараясь, какъ и всѣ, „жить

получше“. Такимъ образомъ люди постепенно забываютъ изрѣдка возникающій вопросъ объ истинной жизни и живутъ по привычкѣ и инерціи: страдаютъ, стонуть, борются за скудныя и ничтожныя мнимыя блага ихъ обычной жизни, проклиная эту жизнь и все-таки живутъ (гл. V).

Но, однако, наступаетъ время (таково именно наше время, по автору), когда „разумное сознание перерастаетъ ложныя ученія“ и человѣкъ, пробуждаясь отъ рутины и инерціи, начинаетъ чувствовать въ себѣ мучительное раздвоеніе и противорѣчіе, иногда доводящее его до самоубійства. Его личность или его животное сознание, которое онъ считаетъ за свое я, „велитъ ему жить“ (т.-е. быть счастливымъ) и въ то-же время „его разумъ, или его другое я, говоритъ ему, что жить (т.-е. счастливо) нельзя“ (гл. VI). Это противорѣчіе какъ-бы „останавливаетъ и разрываетъ“ его жизнь, потому что то, что онъ до сихъ поръ называлъ своею жизнью, т.-е. личная животная жизнь, вовсе не есть его жизнь и не можетъ заключать въ себѣ того блага, которое, по разумному сознанию, должно быть цѣлью жизни.

Но все-таки противорѣчіе между пробудившимся въ человѣкѣ разумнымъ сознаниемъ и его прежнимъ представленіемъ о жизни есть мнимое, ибо у него до пробужденія разумнаго сознания не было никакой жизни, а слѣдовательно и никакого знанія о ней. Знаніе начинается съ пробужденія разумнаго сознания; въ моментъ этого пробужденія возникаетъ „обманъ сознания“, по которому кажется, что, будто-бы, человѣкъ до пробужденія имѣлъ какое-то сознаніе о жизни, а именно животное сознание, а что теперь началось разумное, входящее съ прежнимъ въ противорѣчіе. Гр. Толстой объясняетъ это примѣромъ иллюзии сознания при сновидѣніяхъ. Въ моментъ пробужденія намъ кажется, что мы имѣли особое сознание, называемое нами сновидѣніемъ, но въ дѣйствительности „до пробужденія не было никакихъ сновидѣній, всѣ они сложились въ моментъ пробужденія“*),—значить, до этого момента не

*) См. объ этомъ мою статью о книгѣ Дюпреля: „Философія мистики“, по-

было и особаго соннаго сознанія. Въ моментъ пробужденія разумнаго сознанія открывается челоѣку его жизнь и въ ея настоящемъ, и въ ея прошедшемъ, а также жизнь и другихъ личностей, и наконецъ вскрывается мнимое противорѣчіе между разумнымъ сознаніемъ о жизни и кажушимся прежнимъ сознаніемъ о ней (гл. VII—X).

Но что-же такое этотъ разумъ, открывающійся въ томъ сознаніи, которое гр. Толстой называетъ разумнымъ и постоянно противопоставляетъ животному или личному сознанію? Разумъ или *logos*, мудрость, слово, какъ называетъ его гр. Толстой терминами, давно извѣстными, не можетъ быть опредѣляемъ, ибо самъ служить для опредѣленія всего остального. Да и было-бы бесполезно его опредѣлять, потому что мы всё его знаемъ, да и знаемъ-то мы только одинъ разумъ. Это — единственная основа, соединяющая всѣхъ живущихъ въ одно; поэтому онъ для всѣхъ общезначителенъ; да и весь внѣшній міръ подчиняется закону разума: этому-же закону должна была-бы подчиняться и наша жизнь, еслибы на насъ не вліяло ложное направленіе знанія, въ которомъ мы вмѣсто истиннаго закона нашей жизни изучаемъ законы, которымъ подчинены наше животное существованіе и личность и которымъ подчинено вещество нашего тѣла. Это ложное направленіе знанія и выражается, по автору, въ наукахъ историческихъ, политическихъ, и еще болѣе въ біологическихъ и естественныхъ. Изученіе-же единственной сферы, гдѣ мы можемъ найти законъ нашей жизни, а именно внутренней сферы нашего сознанія, мы оставляемъ безъ вниманія, считая это изученіе несущественнымъ и призрачнымъ (гл. X—XI).

Въ этомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ челоѣкъ думаетъ, что предметы, которыхъ онъ дѣйствительно не знаетъ и не можетъ знать, каковы, наприм., животныя, растенія и матеріальныя вещи, вполне доступны его познанію, а то, что онъ только и можетъ знать, какъ, наприм.,

что такое „благо вообще, его благо и разум“ суть совершенно непознаваемые предметы. Намъ кажется, что мы точнѣе всего знаемъ то, что подлежить пространству и времени, а между тѣмъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ только и знаетъ свое „я“, не имѣющее никакого положенія въ пространствѣ и стоящее въ какой-то неопредѣленной точкѣ безконечнаго въ обѣ стороны времени. Когда человѣкъ думаетъ, что онъ—„часть видимаго міра, проявляющагося въ пространствѣ и времени“, то онъ получаетъ только „условное знаніе о себѣ и о другихъ людяхъ“, нѣкоторое внѣшнее представленіе, но не знаніе, и чѣмъ дальше отъ него отстоятъ предметы, тѣмъ менѣе онъ ихъ знаетъ: другихъ людей менѣе, чѣмъ себя, животныхъ и растенія менѣе, чѣмъ людей, а вещественный міръ менѣе всего, или иначе говоря, чѣмъ болѣе похожи эти предметы на насъ, стремящихся къ благу, тѣмъ достовѣрнѣе и наше познаніе о нихъ. Итакъ, „познаніе, чего-бы то ни было, для насъ есть перенесеніе на другіе предметы нашего знанія о томъ, что жизнь есть стремленіе къ благу, достигаемому подчиненіемъ закону разума“. Поэтому всѣ познаваемые предметы міра дѣлятся на три разряда, которые человѣкъ знаетъ въ себѣ; онъ знаетъ себя: 1) какъ разумное сознаніе, подчиняющее себѣ животное; 2) какъ животное, подчиненное разумному сознанію, и 3) какъ вещество, подчиненное животному. Не изъ познанія законовъ вещества или законовъ нашего животнаго организма мы можемъ познавать себя, а, наоборотъ, эти ихъ законы можемъ мы познать постольку, поскольку они суть отраженія наши. Существованіе нашего организма и вещества, изъ котораго онъ состоитъ, мы „не знаемъ, а только видимъ и наблюдаемъ внѣ себя“, наше-же разумное существованіе мы не видимъ, но знаемъ. Видѣтъ наше разумное сознаніе такъ-же, какъ мы видимъ нашу животную личность или вещество, изъ котораго состоитъ наше тѣло, мы могли-бы только тогда, когда имѣли-бы еще высшую жизнь, чѣмъ человѣческая. Истинная наша жизнь, которую мы сами создаемъ, есть наша разумная жизнь, а

тѣло и вещество, „съ существованіемъ которыхъ она неразрывно связана“, живутъ своею особою жизнью, которая относится къ нашей жизни какъ орудія и матеріаль для нашей работы. Съ другой стороны, „сколько-бы ни изучалъ человѣкъ свою животную и вещественную жизнь, совершающуюся безъ его усилій, они всегда останутся для него тайной“ (гл. XII—XIII).

Жизнь въ организмѣ можетъ продолжаться только тогда, когда „вещество въ свѣомъ соединеніи подчиняется закону организма“; если-же этого подчиненія нѣтъ, т.-е. когда вещество подчиняется только механическимъ законамъ, организмъ умираетъ, или онъ еще не родился. Точно также и людей мы признаемъ живыми, когда ихъ животная личность подчиняется закону разума: поэтому къ человѣку въ бреду, въ сумашествіи, въ порывѣ страсти и проч., мы „не относимся какъ къ живому человѣку и признаемъ въ немъ только возможность жизни“. Хотя жизнь человѣческая и обнаруживается во времени и пространствѣ, но опредѣляется не временными и пространственными условіями, а подчиняется разуму“; жизнь-же, не подчиняющаяся разуму въ достиженіи большаго блага, есть не человѣческая жизнь, а только „одно существованіе“. Когда человѣкъ начинаетъ жить истинною жизнью, то онъ начинаетъ видѣть призрачность своего существованія, кончающагося смертію, пугается этого и снова принижаетъ себя и опускается въ животную жизнь, но потомъ опять поднимается, и опять пугается, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ окончательно не „повѣритъ“, что истинная его жизнь протекаетъ не въ пространствѣ и времени. До тѣхъ поръ ему все кажется, что разумное сознаніе проявляется только временно въ его животномъ существованіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ тѣ кажущіяся „колебанія, остановка жизни и раздвоеніе сознанія“. Отсюда возникаютъ и вопросы о времени возникновенія сознанія, и о времени обладанія имъ. Заблужденіе человѣка—въ мнѣніи, что разумное сознаніе какъ-бы случайно возникаетъ въ

его животной личности, т. е. въ его временно-пространственномъ существованіи. Между тѣмъ „разумная жизнь просто есть“, она безвременна и происходитъ внѣ пространства и времени (гл. XIV).

Если жизнь есть стремленіе къ благу, то, конечно, къ человѣческому: не зная этого, ученые и неученые люди думаютъ, что ихъ благо заключается въ благѣ ихъ животной личности. Животное, „не зная, что оно—личность“, и не зная, что другія животныя также любятъ себя, поступаетъ правильно, „когда живетъ только для себя и тѣмъ безсознательно служить своему роду“; но человѣкъ знаетъ, что „другія существа также стремятся къ благу“, какъ и онъ. Если-же человѣку кажется, что онъ, имѣя это знаніе, тѣмъ не менѣе все-таки стремится удовлетворять свою животную личность, то это только „обманъ сознанія“, по которому ему кажется, что онъ это удовлетвореніе считаетъ за свое благо; и особенно этотъ обманъ „поддерживается“ вліяніемъ ложныхъ ученій. Поэтому ошибочно то, когда отреченіе отъ благъ личности считаютъ подвигомъ: это „не подвигъ, а неизбѣжное условіе жизни человѣческой“; и кто отрекся-бы отъ этого условія, тотъ отрекся-бы и отъ жизни человѣческой. „Сознаніе личности еще не жизнь для человѣка, а только предѣлъ, съ котораго начинается его жизнь; но человѣку, извращенному ложными ученіями міра, сначала страшно отказаться отъ видимаго представленія, влекушаго къ смерти, и отдаться невидимому сознанію, которое одно даетъ жизнь“ (гл. XV).

Человѣкъ не можетъ не видѣть, что его животная личность, подлежащая времени, есть нѣчто „непрестанно погибающее, стремящееся къ смерти“, а потому „первымъ условіемъ для достиженія его истиннаго блага, въ чемъ-бы оно ни состояло, должно быть отреченіе отъ животной личности“. Не хочетъ онъ отречься добровольно,—будетъ принужденъ къ тому насильно тяжкими, невыносимыми страданіями. Какъ для животнаго законы существа суть средства для достиженія цѣлей животной личности, такъ и для